

Цветущий белый боярышник

Джон
Рёскин

Эстетические трактаты Джона Рёскина сильнее-
шим образом повлияли на становление мысли
Уильяма Морриса. В последние годы Рёскин из-
дается в России довольно обширно, но за одним
значимым исключением (первый русский пере-
вод сборника из четырех эссе о политэкономии
«Unto This Last» (1860), вышедший в 2018 году¹) все эти книги
посвящены как раз *эстетической* стороне его деятельности.

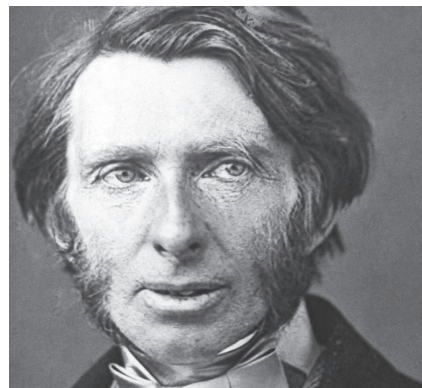
Однако Рёскина всерьез заботили и другие вопросы: эконо-
мика, положение трудящихся, перспективы преобразования об-
щества в более справедливую сторону, положение женщин.
Главным результатом этих направлений его мысли стала книга
«Fors Clavigera» (1884) – собрание написанных на протяжении
тринадцати лет риторических писем-памфлетов, обращенных
не к университетской публике, политикам или представите-
лям духовенства, а к рабочим и ремесленникам Англии.

Название «Fors Clavigera» отсылает к латинскому слову *fors*
(случай, судьба) и включает троякую игру слов: ключ (*clavis*),
гвоздь (*clavus*) и булава власти (*clava*). Эти три «оружия судь-
бы», по мысли Рёскина, могут быть направлены на добро или на
разрушение – в зависимости от нравственного выбора каждого.

Насколько нам удалось установить, единственный русский
перевод «Fors Clavigera» – частичный, первых 24 писем – вы-
шел в 1905 году в издательстве «Книжное дело» и с тех пор не
переиздавался, всплывая лишь на букинистических аукцио-
нах. Таким образом, вашему вниманию предлагается первый
за 120 лет перевод² фрагмента из этой книги.

Письмо V, выбранное для перевода в настоящей публикации,
написано 1 мая 1871 года, в день труда, совпавший с апогеем
Парижской коммуны – и оно особенно значимо как манифест
социальной программы Рёскина.

Текст в книжном издании снабжен заголовком «Цветущий бе-
лый боярышник» («The White-Thorn Blossom»), причем в самом
письме этот образ не упоминается, что позволяет воспринимать
послание как аллереорию в целом – как символ живой, справед-
ливой Англии, которая *могла бы быть*, если народ перестанет
быть рабом технологий и капитала. [Андрей Гелианов]

Джон Рёскин (1819–
1900) – английский
писатель, художник
и теоретик искусства.

1 Рёскин Д. *Последнему, что и первому: четыре очерка основных принципов политической экономии*. М.: Рипол-Классик, 2018.

2 Перевод выполнен по оцифрованной версии оригинального издания из «Project Gutenberg»: RUSKIN J. *Fors Clavigera. Letters to the Workmen and Labourers of Great Britain*. Orpington: George Allen, 1871 (www.gutenberg.org/files/59456/59456-h/59456-h.htm).

Письмо V: Цветущий белый боярышник

Вот, зима уже прошла;
дождь миновал, перестал;
цветы показались на земле;
время пения настало,
и голос горлицы слышен в стране нашей;
смоковницы распустили свои почки,
и виноградные лозы, расцветая, издают благовоние.
Встань, возлюбленная моя, прекрасная моя, выйди!

Песнь песней Соломона. 2:11-13 (синодальный перевод)

Друзья мои,

Меня справедливо спрашивают, почему я до сих пор³ писал вам о вещах, которые вам, вероятно, не особенно интересны, да еще и словами, которые вам трудно понять.

Я не боюсь, что вы никогда не поймете моих неумелых слов: увы, однажды вы поймете их слишком хорошо, особенно самые печальные из них. Но я сильно опасаясь другого – что вы никогда не постигнете слов, приведенных выше [в эпиграфе], куплета из любовной песни царя, спетой в одну дивную майскую пору – о сколько их миновало с тех пор!

Я боюсь, что ледяной дождь дикой зимы для вас никогда не пройдет, что цветы так и не расцветут на земле, что птицы никогда не запоют для вас – и совершенная Любовь не восстанет, дабы наполнить вашу жизнь покоем.

– Почему же не для нас – а для кого? – так вы, быть может, мне возразите, приняв мою тревогу за вас как попытку вас оскорбить.

Но, нет, это не оскорбление – и я не счастливее вас. Для меня птицы не поют и никогда не будут⁴. Но для вас они могли бы запеть, если б вы захотели. Когда я говорю, что вы никогда не поймете той песни любви, я лишь имею в виду, что вы не захотите ее понять.

Вы снова сердитесь на меня? Думаете, что даже если вам придется тяжело трудиться, скорбеть и быть угнетаемыми и униженными всю жизнь, то вам всегда по крайней мере останется единственное утешение – Любовь и один оплот чести – Дом? Соглашусь, если б вы действительно их сохранили, то сохранили бы все. Но еще не было в истории человечества

³ То есть в предыдущих письмах «Fors Clavigera» и других публичных посланиях Рёскина.

⁴ Не вполне ясно, почему 52-летний Рёскин здесь высказывается о себе в таком ключе. Возможно, чисто риторическая фигура.

народа, утратившего [подобно вам] эти блага столь прискорбным образом.

Поистине, во многих странах и во многие века женщины трудились ради богатства или хлеба своих мужей. Но никогда еще они не были столь бездомны [как сейчас], чтобы, как та бедная самаритянка, сказать: «У меня нет мужа»⁵. Женщины всех народов терпеливо несли труд ради соучастия. Но только для женщин нашего времени в Англии история берегла такой удел, чтобы они сами стали требовать права на изоляцию⁶.

Таков, выходит, итог вашего всеобщего образования, вашей цивилизации, вашего презрения к невежеству Средневековья и к его рыцарству. Вы [мужчины] не только объявили себя слишком ленивыми, чтобы трудиться ради дочерей и жен, и слишком бедными, чтобы их содержать, – но еще и заставили этих брошенных и растерянных созданий считать «независимость» от вас за честь – и кричать о праве на мотыгу для самих себя. Верите вы в это или нет, но столь низкого уровня мышления не достигала ни одна раса с тех пор, как она произошла на свет от морской звезды, мокрицы или чего бы то ни было еще по воле естественного отбора – согласно новейшей науке⁷.

Та самая «новейшая наука», экономическая и прочая, наконец, достигла своей кульминации. Похоже, предназначение XIX века – явить во всем изысканный образец Совершенной Глупости, дабы предостеречь грядущие века.

К примеру, то утверждение, которое я приводил вам в прошлом письме из циркуляра Общества эмиграции⁸ – будто бы «перепроизводство есть причина бедствий», – есть буквально самая глупая из всех когда-либо произнесенных людьми фраз и, быть может, самая глупая из возможных в принципе. Это как бы противоположный полюс (или отрицательная акме до-

ДЖОН РЁСКИН

ЦВЕТУЩИЙ БЕЛЫЙ
БОЯРЫШНИК

5 Евангелие от Иоанна. 4:16–18.

6 Рёскин имеет в виду «доктрину отдельных сфер», социальную практику фактической сегрегации повседневной жизни мужчин и женщин в постдарвиновской Англии, которая объяснялась «природным предназначением». Юридически это началось еще раньше – с запрета голосовать женщинам на выборах в 1832 году и объединения жены с мужем в один субъект права («мистер и миссис Джон Смит»). К середине правления королевы Виктории «особый женский удел» стал общественным консенсусом по умолчанию и был интериоризован самими женщинами, которым при этом также приходилось постоянно работать вне дома (более половины из шести миллионов по состоянию на 1851 год).

7 Рёскин был публичным противником теории Дарвина, даже не столько по религиозным, сколько по этическим соображениям (в естественном отборе он подозревал логику индустриального капитализма, собственные же теории эволюции Рёскина были, по-видимому, близки ко взглядам князя Петра Кропоткина о всеобщей взаимопомощи). При этом, что любопытно, при встречах Рёскин и Дарвин, познакомившиеся еще в 1837 году, общались исключительно вежливо и доброжелательно, см.: WILMER C. *No Such Thing as a Flower... No Such Thing as a Man: John Ruskin's Response to Darwin // Darwin, Tennyson and Their Readers: Explorations in Victorian Literature and Science*. London: Anthem Press, 2013. P. 97–108.

8 По-видимому, речь про «Women's Emigration Society» – организацию XIX века, помогавшую нуждающимся молодым женщинам эмигрировать из Англии в колонии Британской империи. Найти конкретный текст, с которым полемизирует Рёскин, не удалось, но схожие идеи и формулировки звучали в то время часто, см., например, стенограмму заседания Палаты Общин от 1 марта 1870 года: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1870/mar/01/emigration-resolution>.

ступной смертным тупости) по отношению к открытию гравитации Ньютоном, как акме доступной смертным мудрости: как никто из мудрых существ на Земле никогда не совершит столь же мудрого открытия, так и ни одно глупое существо никогда не сможет произнести ничего столь же глупого во веки веков.

Во многих странах и во многие века женщины трудились ради богатства или хлеба своих мужей. Женщины всех народов терпеливо несли труд ради соучастия. Но только для женщин нашего времени в Англии история берегла такой удел, чтобы они сами стали требовать права на изоляцию.

Тот же кризис постиг и наши естественные науки, и наше искусство. С тех пор, как я начал эти записки, несколько раз случались удивительные совпадения: мне показывали или приносили именно то, что я хотел для иллюстрации [моих тезисов], и всегда вовремя – так и теперь, в тот самый день, когда я опубликовал свое последнее письмо⁹, мне случилось пойти в Кенсингтонский музей; и там я увидел самый совершенный в своей чудовищности предмет искусства, который встречал когда-либо в жизни. Перед ним находилась табличка со следующей надписью:

«Статуя из черного и белого мрамора, собака породы ньюфаундленд, стоящая на змее, которая покоится на мраморной подушке, пьедестал украшен рельефными плодами в технике *pietra dura*¹⁰. – Англия. Текущий век. Номер I».

Надпись ощущалась так правильно и точно, жители Кенсингтона были столь любезны, что обозначили *это* номером «I», и правда – штука была почти невероятной в своей единственности; и, действительно, такой пунктуальный акцент на йоте Плохотворения¹¹, – настолько абсолютно и изысканно плохотворенного, что я сам не способен представить себе подобное под номером два, или три, или как вообще можно с этим соревноваться или как-то соотноситься. Крайняя недобродетель этого пса была достигнута, что важно, главным образом благодаря количеству образованности – которой явно злоупотребляли. Было очевидно, что создатели этого шедевра видели все и применяли в работе все; и неправильно понимали все, что они

⁹ То есть четвертое письмо «Fors Clavigera» от 1 апреля 1871 года.

¹⁰ Также *parchinkari* – происходящая из Индии техника резного орнамента с использованием полудрагоценных камней.

¹¹ В оригинале *Miscreation*.

видели, и неправильно применяли все, что они делали. Они видели и римские образцы искусства, и флорентийские, и византийские, и готические – и непонимание всего этого прошло через них, как грязь проходит через земляных червей, и вот, наконец, результат – червеобразный слепок Произведения.

Второй шанс [на понимание], который мне представился в тот же день, был еще более примечательным. Из Кенсингтонского музея я отправился на дневное чаепитие в дом, где, как был уверен, встречу несколько приятных людей. Среди них была и моя старая подруга, которая слушала лекции по ботанике в Кенсингтонском музее и была от них в восторге. Она из тех людей, которые извлекают пользу из всего, и восторг ее был по праву; кроме того, как я понял из ее рассказа, лекции были действительно интересными и приятно преподаваемыми. Она ожидала, что ботаника будет скучной, но опыт превзошел ее ожидания, и она «узнала так много».

Услышав это, я, естественно, стал задавать вопросы, что именно; насколько я знал эту женщину, еще до всяких лекций она уже знала о ботанике больше, чем, по моему мнению, могла бы узнать от просветителей. Подруга сообщила мне, что прежде всего она узнала, что «существует семь видов листьев». Надо сказать, что у меня в целом есть большое подозрение относительно числа семь; так, когда я писал «Семь светочей архитектуры»¹², мне потребовалась вся изобретательность, которой я владел, чтобы они не разрослись до восьми или даже девяти.

Так что я подумал: «Здорово, если бы было только семь видов листьев; но, возможно, если внимательно осмотреть рощи и леса мира, то мы наверняка нашли бы и восьмой вид» – и чего бы тогда стоили новые ботанические знания моей подруги? Поэтому я сказал: «Прекрасно – но что еще?». Моя подруга сказала, что до лекций она не имела понятия, что лепестки – это тоже листья. Тут я подумал, что не было бы большого вреда, если бы она осталась под своим старым впечатлением, что лепестки – это лепестки. Я сказал: «Прекрасно – что еще?». И тогда она сообщила мне слова лектора: «Цель лекций была бы полностью достигнута, если бы он смог убедить своих слушателей, что нет такой вещи, как цветок».

Итак, в этом предложении вы можете видеть самое совершенное и достойное восхищения резюме об общем характере и целях современной науки. Ученый дает лекции по Ботанике, чтобы показать, что нет такой вещи, как цветок; по Человечеству, чтобы показать, что нет такой вещи, как Человек; по Теологии, чтобы показать, что нет такой вещи, как Бог. Нет такой вещи, как Человек – а есть только Механизм; нет такой вещи,

ДЖОН РЁСКИН

ЦВЕТУЩИЙ БЕЛЫЙ
БОЯРЫШНИК

12 «The Seven Lamps of Architecture» (1849), рус. перев.: Рёскин Д. *Семь светочей архитектуры. Лекции об искусстве*. СПб.: Азбука-классика, 2007.

как Бог – а есть только ряд сил. Две веры, по сути, являются одной: если вы чувствуете себя всего лишь машиной, сконструированной, чтобы быть Регулятором машин второго порядка, вы поставите статую такой науки на своем Холборнском Виадуке¹³ и постановите, что только главные машины – ваши регулировщики.

Я должен объяснить вам истинное значение приведенного выше высказывания лектора по ботанике, поскольку оно гораздо серьезней, чем кажется. Около пятидесяти лет назад поэт Гёте сообщил¹⁴, что все части растений имеют некую общую природу и могут переходить друг в друга. Это было настоящее открытие, и весьма примечательное; вы можете видеть, что в основе все растения состоят из двух частей – листа и корня: одна любит свет, другая – тьму; одна любит быть чистой, другая – грязной; одна любит расти большей частью вверх, другая – вниз, и каждая имеет собственные способности и цели.

Но чистая, которая любит свет, имеет прежде всего цель быть замужем за другим листом и иметь детей-листья и внуков-листья, чтобы сделать землю прекрасной навсегда. Когда листья женятся, они надевают брачные одежды и становятся более славными, чем Соломон во всей его славе, и у них есть пиры из меда, и мы зовем их «цветами».

В определенном смысле, следовательно, лектор по ботанике был совершенно прав. Нет таких вещей, как Цветы, – есть только Листья. Более того, может быть достоинство в менее счастливом, но неувядающем листе, который в некотором роде лучше, чем недолговечная лилия в своем цветении; и великие поэты знали это всегда – как минимум Чосер, до Гёте; и автор первого Псалма, до Чосера. Лектор по ботанике был прав – в более глубоком смысле, чем он мог заподозрить.

Но вот в самом глубоком смысле из всех, что могут быть, лектор по ботанике был совершенно неправ. Неправ, ибо лист, и корень, и плод – все они существуют только для того, чтобы могли быть цветы. Он пренебрег жизнью и страстью живого существа, которые были его сущностью. Если бы лектор искал их, то он признал бы, что в мыслях самой Природы в растении нет ничего, кроме его цветов.

Теперь в том же смысле, в котором современная наука заявляет, что нет такого явления, как Цветок, она заявила, что нет такого явления, как Человек, а есть лишь переходная форма от асцидий¹⁵ и обезьян. Это может быть правдой, а может и нет –

13 Мост в Лондоне, на момент написания письма – новострой, открывшийся в ноябре 1869 года, который Рёскин, по-видимому, приводит как символ безвкусицы.

14 «Опыт о метаморфозе растений» («Versuch die Metamorphose der Pflanzen zu erklären», 1790).

15 Асцидии – парафилетический класс хордовых из подтипа оболочников, или личиночнохордовых, обитают в океанах. Рёскин мог познакомиться с ними по работам Эрнста Геккеля – например популярной в то время «Generelle Morphologie der Organismen» (1866).

в данном случае этот факт не имеет ни малейшего значения. Реальный факт в том, что, если смотреть человеческими глазами, нет ничего, кроме человека; все животные и существа, кроме него, созданы только для того, чтобы они могли преобразиться в него; мир действительно существует только в присутствии Человека, действует только в страсти Человека. Сущность света находится в его глазах, средоточие Силы – в его душе, целесообразность действия – в его деяниях.

И вся истинная наука, за незнание которой мой савойский проводник¹⁶ справедливо меня презирал, все то, что есть истинная наука, – это «умение жить». Но вся ваша современная наука противоположна этому. Это «умение умирать». И из своих открытий, какими бы они ни были, она не сможет извлечь никакой пользы.

ДЖОН РЁСКИН

ЦВЕТУЩИЙ БЕЛЫЙ
БОЯРЫШНИК

**Если смотреть человеческими глазами, нет
ничего, кроме человека; мир существует только
в присутствии Человека, действует только в страсти
Человека. Сущность света находится в его глазах,
средоточие Силы – в его душе, целесообразность
действия – в его деяниях.**

Телеграфная связь была важным открытием; и, возможно, когда-нибудь оно станет полезным. Можно понять и простить вашу гордость, когда шестого апреля [1870 года] (день смерти Ричарда Львиное Сердце и Альбрехта Дюрера), вы провели медную проволоку до самого Бомбея и пустили по ней сообщение – туда и обратно. Но что же было в этом сообщении и каков был ответ? Стала ли Индия лучше от того, что вы ей сказали? Стали ли вы лучше от того, что она вам ответила?

Если нет, то вы просто потратили впустую медную проволоку длиной в земной шар – и это, по сути, и есть весь итог ваших действий. Если бы у вас, к примеру, нашлись два слова здравого смысла, то пусть бы вам пришлось потратить уйму времени и усилий, чтобы их передать – пусть бы вы писали их медленно золотыми буквами, запечатали сотней печатей и отправили эскадру линейных кораблей, чтобы доставить свиток;

16 Отсылка к эпизоду из четвертого письма «Fors Clavigera»: «Одним из самых приятных товарищей, что у меня когда-либо были, стал савойский гид, который с трудом мог читать и писать. Он не знал никакого языка, кроме собственного, никакой науки, кроме основ сельского хозяйства. Но он был, без сомнения, одним из самых счастливых людей, которых я когда-либо знал: после обеда, когда он выпивал свою половину бутылки вина, мы часто гуляли по какой-нибудь тихой долине в полуденном свете, и савоец читал мне небольшую самодельную философскую лекцию; а после того, как я утомлял его своими пессимистичными возражениями, он отступал к моему слуге позади, пожимал плечами и шептал: “Le pauvre enfant, il ne sait pas vivre!” (“Бедный ребенок, он не умеет жить!”)».

и, если бы эскадра пробивалась вокруг мыса Доброй Надежды сквозь год бурь и потеряла все корабли, кроме одного [со свитком], эти два слова здравого смысла стоили бы таких усилий – и даже большего.

Но у вас нет и близко никаких слов подобной важности, вам нечего сообщить – ни Индии, ни какому-либо иному месту.

Вы считаете великим достижением то, что Солнце теперь рисует для вас коричневые пейзажи¹⁷. Это тоже было важным открытием, и, возможно, когда-нибудь оно станет полезным. Но ведь Солнце уже рисовало для вас пейзажи – не коричневые, а зеленые, синие и всех мыслимых цветов¹⁸ – здесь, в Англии. Никто из вас тогда на них не смотрел, и никто не жалеет об их утрате теперь, когда вы окутали Солнце [фабричным] дымом, так что теперь оно может лишь рисовать коричневые пятна в ящике.

Вопрос не в том, сможет ли благодаря машинам выжить больше людей. Ни одна машина не увеличит возможностей жизни. Они лишь увеличивают возможности праздности.

Когда-то между Бакстоном и Бейквеллом лежала скалистая долина, прекрасная, как [греческая] долина Темби; вы могли бы увидеть там богов – утром и вечером, – Аполлона и всех сладкозвучных муз света, шествующих в дивной процессии по лугам и между вершинами скал. Но вы не заботились ни о богах, ни о траве – только о деньгах (и то не знали, как их зарабатывать); вы решили, что заработаете их через то, что «Таймс» называет «предпринимательством железных дорог»¹⁹.

Вы предприняли железную дорогу через долину – взорвали скалы, насыпали тысячи тонн сланца в ее прелестный поток. Долина исчезла – и боги с ней; и вот теперь всякий кретин из Бакстона может доехать до Бейквелла за полчаса, а каждый кретин из Бейквелла – в Бакстон; и вы считаете это выгодной сделкой – вы, Кретины Повсюду.

Говорить через расстояния, не имея ничего сказать; быстро перемещаться с места на место, не имея дел ни в одном из этих мест, – это, без сомнения, *силы*. Сила такого рода, которая увеличила бы Производство – какой был бы повод для гордости собой, если бы вы правда ее обрели! Но уверены ли вы до кон-

¹⁷ Речь о стремительно развивавшейся в то время технологии фотографии, во многом обязанной открытиям сэра Джона Гершеля (1792–1871), исследовавшего ультрафиолетовое излучение.

¹⁸ Здесь Рёскин, по-видимому, отсылает к картинам своего любимого художника Уильяма Тёрнера (1775–1851), душеприказчиком которого он в итоге стал – впрочем, история их взаимоотношений заслуживает отдельной статьи.

¹⁹ В оригинале Рёскин играет с буквальными значениями слов *Railroad Enterprise*.

ца, что действительно ею обладаете [теперь с технологией]? Что единственное, чего вам теперь стоит бояться, – это смертельная болезнь изобилия и обременяющий избыток благ?

ДЖОН РЁСКИН
ЦВЕТУЩИЙ БЕЛЫЙ
БОЯРЫШНИК

Вглядитесь. Мужчина и женщина с детьми, которые были воспитаны правильно, могут без труда сами возделывать столько земли, сколько нужно для их пропитания; построить столько стен и крыши, сколько нужно для жилья; изготовить и соткать столько ткани, сколько нужно для одежды. И они могут быть совершенно счастливы и здоровы, занимаясь всем этим. Предположим, что эта семья изобретет машины, которые будут за них строить, пахать, молотить, готовить и ткать, а им самим больше ничего этого делать не нужно и они могут весь день читать или играть в крокет или крикет. Я лично верю, что они не станут от этого ни лучше, ни счастливее. Но пока оставим мою веру в стороне. Предположим [ради эксперимента], что они станут более утонченными и нравственными людьми и что их праздность впредь будет матерью всех добродетелей.

Но взгляните, повторяю: сила вашей машины заключается только в том, чтобы позволить им быть праздными. Она не сделает их жизнь лучше, чем раньше, и не позволит им умножаться. Вглядитесь как следует. С определенного количества земли можно получить лишь определенное количество жизни – с машинами или без. Вы можете поставить миллион паровых плугов работать на одном акре, если хотите, – но с этого акра вырастет лишь ограниченное число зерен, хоть исчеркай его, хоть выжги.

Следовательно, вопрос совсем не в том, сможет ли благодаря машинам выжить больше людей. Ни одна машина не увеличивает возможностей жизни. Они лишь увеличивают *возможности праздности*. Допустим, к примеру, вы заставили бы быков в вашем плуге работать под управлением гоблина, который не просит платы, даже чашки сливок (в сущности, вы почти и сделали это, заменив их железным гоблином); в этом случае ваша борозда не примет больше семян, чем если бы вы сами держали ручки плуга. Но теперь вы, по всей вероятности, сидите на краю поля под кустом шиповника и смотрите, как за вас работает гоблин, а сами читаете стихи. Тем временем дома у вашей жены также имеется гоблин, который ткёт и стирает за нее. И она тоже лежит на диване, читая стихи.

И вот, как я уже говорил, я лично не верю, что вы стали бы от этого счастливее, но я готов в это поверить; вот только покажите мне, будучи столь искусными механиками, хотя бы одно-два места, где вы, именно вы, действительно стали счастливее. Покажите мне хотя бы один маленький пример приближения к этому серафическому состоянию. Я вот могу показать вам миллионы примеров счастливых людей, счастье

которых – плод их собственного труда. Ферма за фермой я могу показать вам их в Баварии, Швейцарии, Тироле и других местах, где мужчины и женщины абсолютно счастливы и добры, не имея ни одного железного слуги.

Покажите мне теперь хоть одну английскую семью с ее огненным фамильяром, которые более счастливы. Или приведите мне – убедите меня свидетельством – показания одной-двух английских семей об их возросшем блаженстве. Или, если вы не способны привести такого свидетельства, может быть, сможете убедить в этом хотя бы их самих? Быть может, они счастливы – но просто не знают, как на самом деле велико их счастье; так Вергилий когда-то думал о простых земледельцах. Но мы слышим сейчас, как ваши *паровые крестьяне* вопят, что они все что угодно, только не счастливы и что весь этот хваленый «прогресс» они воспринимают «как чудовищное надувательство».

И все же я должен рассказать вам одну вещь, которая сильно мешает моему воображаемому образу освобожденного пахаря, читающего стихи в своей розовой беседке. [...] Дело было недавно, кажется, на первомой: в Камберленде состоялось великое торжество и выражение удовлетворения новым порядком вещей – народный праздник вроде тех, что устраивали старые язычники, у которых не было железных слуг, с играми и танцами. И я подумал, что теперь, когда деревенские люди освобождены от труда – за них ведь все делают гоблины, – мы увидим поразительные танцы и веселье.

Но танцев не было вовсе, и они даже не могли сами себе сыграть. Им пришлось поручить музыку гоблину. Они шли в процессии за своим паровым плугом, и плуг изредка посвистывал им как мог – весьма мелодично. Что, как мне показалось, в каком-то смысле и впрямь было возвращением к простоте, даже более древней, чем аркадийская: ведь в старой Аркадии пахари насвистывали себе под нос от скуки, а сейчас перед нами толпа, лишенная не только всякой мысли, но уже и способности свистеть самостоятельно.

Теперь – что касается внутреннего устройства дома. До появления ваших механических ткацких станков женщина всегда могла сама сшить себе и сорочку, и юбку – яркие и красивые. Я видел крестьянку из Баварии в церкви в Мюнхене, и выглядела она куда величественнее и наряднее, чем все крестчатые и расшитые ангелы в высокохудожественных фресках Хесса²⁰, что как раз находились над ней, так что я мог сравнивать. И вот теперь в Англии в вашем услужении домовые демоны с пятью сотнями пальцев – по меньшей мере на одного

20 У Рёскина ошибочно «Хессе», имеется в виду Генрих Мария фон Хесс (1798–1863) – немецкий живописец академического направления. Речь скорее всего о расписанной им церкви всех святых в Мюнхене (разрушена во время Второй мировой).

человека, где раньше был один ткач во времена Минервы. Значит, вы должны были бы показать мне пятьсот платьев вместо одного. Уборка должна была стать в пятьсот раз тщательнее. Гобелен должен был превратиться в иризирующую феерию уровня чинквеченто²¹. Не только крестьянская девушка должна бы [вместо работы] лежать на диване, читая стихи, но в ее гардеробе должно было бы быть пятьсот юбок вместо одной.

Таковы ли в действительности ваши достижения? Или вы лишь только пока движетесь к ним – по довольно кривой и странной тропе?

Может ли быть дело в том, что *вам самим* не позволено воспользоваться трудом гоблина: кто-то другой использует его вместо вас, а вы – нет; возможно, вы не сумели призвать гоблинов для собственного служения, а лишь взяли их взаймы у капиталиста и теперь платите проценты – находясь в «положении Уильяма»²² на призрачных, самодвижущихся станках. Но допустим, что вы скопили достаточно капитала, чтобы нанять всех демонов в мире – не только в нем, но и внутри него, – уверены ли вы, что знаете, *чем именно* вы хотели бы их занять? Какие «полезные вещи» вы велели бы им изготовить?

Я говорил вам в прошлом письме: ни один экономист, едущий хоть на пару, хоть на призраке, не знает, что есть полезные вещи, а что – нет. И очень немногие из вас знают это сами – разве что через горький опыт их нехватки. А никакие демоны – ни железные, ни духовные – создать этих полезных вещей не смогут.

Итак, существуют три материальные вещи, не только полезные, но и необходимые для жизни. Никто не знает, как жить, пока не имеет их.

Это чистый воздух, вода и земля.

Существуют три нематериальные вещи, не только полезные, но и необходимые для жизни. Никто не знает, как жить, пока не имеет их.

Это восхищение, надежда и любовь.

Восхищение – это способность различать и получать удовольствие от того, что прекрасно в видимой форме и прекрасно в человеческом нраве, и, как следствие, стремление создавать прекрасное во внешнем и становиться прекрасным в нравственном.

Надежда – это узнавание через истинное предвидение лучших вещей, которых можно достичь в будущем усилием, соб-

21 Период в развитии итальянского искусства эпохи Возрождения в XVI веке («1500-е годы»).

22 Речь про аллегорическую историю о том, что такое капитал и проценты, от французского экономиста Фредерика Бастия (1801–1850), с которым Рёскин полемизировал: плотник Джеймс сделал рубанок, чтобы увеличить свою производительную силу, но, сделав его, был склонен коллегой-плотником Уильямом одолжить его ему на год в обмен на получение новой доски в конце этого срока, помимо доски за использование. Выполнив эти условия в конце первого года, Уильям снова одалживает рубанок на тех же условиях в начале второго, и так эта сделка повторяется для каждого следующего поколения.

ственным или приложенным другими, и, как следствие, прямое и неустанное усилие способствовать достижению этих вещей в меру своих сил.

Любовь – и семейная, и к ближнему, преданная и полная собой.

Вот шесть наиболее полезных вещей, которых должна достичь политическая экономия, когда она *станет* наукой. Далее я вкратце скажу вам, что делает с ними современная политическая экономия – великая наука «умения умирать».

Первые три, как я сказал, это чистый воздух, вода и земля. Небо дает вам основные элементы этих благ. Вы можете уничтожить их по своему желанию – или почти безгранично увеличить их полезные качества.

Вы можете испортить воздух образом вашей жизни и вашей смерти – в любой степени. Вы легко могли бы загрязнить его до такой степени, что по всей земле начался бы мор и все человечество исчезло бы. Вы – или ваши собратья, немцы и французы, – в данный момент заняты тем, чтобы загрязнять воздух изо всех сил – в основном трупами и разрушением животного и растительного мира в войне²³, превращая людей, лошадей и овощи в ядовитый газ. Но [и без войны] везде и непрестанно вы отравляете его зловонными химическими испарениями; а ужасные гнезда, что вы называете городами, не более чем лаборатории по возгонке в небеса ядовитых дымов и смрадов, смешанных с испарениями гниющего мяса и заразными миазмами гнойных болезней.

Но и ваша способность очищать воздух – если бы вы должным образом и своевременно утилизировали все гниющие вещества, если бы категорически запретили вредные производства и высаживали в почву деревья, очищающие и укрепляющие землю и атмосферу – [также] буквально бесконечна. Вы могли бы сделать так, чтобы каждый вдох становился пищей.

Второе: ваша власть над дождевой и речной водой земли безгранична. Вы можете вызвать дождь, где пожелаете, посадив разумно и ухаживая тщательно; и вызвать засуху, где пожелаете, истребляя леса и пренебрегая почвой. Реки Англии могли бы быть чисты как горный хрусталь; прекрасны в водопадах, озерах и живых заводях; полны рыбы настолько, что вы могли бы брать ее руками, а не сетями. Или вы можете продолжать, как и делали до сих пор, превращать каждую реку Англии в общий сточный канал, так что нельзя будет даже окрестить английского младенца иначе как в грязи, если только не подставите его лицо под дождь – и *даже он* теперь падает мутным.

23 Речь о франко-прусской войне (1870–1871), которая закончилась через девять дней после написания Рёскиным этого письма.

Теперь о третьем – о земле, что должна быть для вас питательной и цветущей. Вы узнали [от лекторов], что цветов не существует вовсе; и, насколько позволяют ваши научные руки и научные умы, изобретающие пыль – взрывную и смертоносную, вместо цветущей и животворящей, – вы превратили Землю-Матерь, Деметру, в Землю-Мстительницу, Тисифону²⁴ – с голосом крови брата вашего, взывающего из нее в едином диком хоре по всей ее смертоносной сфере.

Вот что вы сделали с тремя материальными полезными вещами.

Что же насчет трех нематериальных?

Вместо восхищения, вы научились презрению и самодовольству. Нет ни одной прекрасной вещи, когда-либо созданной человеком, которую вы оценили бы или поняли – но вы убеждены, будто способны создать нечто несравненно лучшее. Вы собираете и выставляете вместе – будто бы равно поучительно – то, что бесконечно дурно, и то, что бесконечно прекрасно. Вы не знаете, где одно, а где другое; инстинктивно предпочитаете дурное – и производите его больше. Инстинктивно ненавидите доброе – и уничтожаете его.

Во-вторых, надежда. В вас нет даже столько духа, чтобы начать какое-либо дело, которое не окупится за десять лет; ни столько разума (ни у политиков, ни у рабочих), чтобы представить себе хоть одну ясную картину того, чем бы вы хотели видеть свою страну.

В-третьих – любовь. Основатель вашей религии велел вам любить ближнего, как самих себя. А вы построили целую науку политической экономии на утверждении, будто основным инстинктом человека является стремление обмануть ближнего. И вы довели ваших женщин до безумия, так что они больше не просят ни любви, ни единства с вами, но восстают против вас и требуют «справедливости».

Есть ли среди вас те, кому все это надоело? Кто-нибудь из землевладельцев или арендаторов? Работодателей или рабочих?

Есть ли такие хозяева – такие господа, – которые предпочли бы, чтобы им служили люди, а не железные дьяволы?

Есть ли такие арендаторы, такие рабочие, которые смогут быть верны своим вождям и друг другу? Которые смогут поклясться трудиться и жить честно – ради радости своего дома?

Готов ли кто-нибудь из таких отдать десятую часть того, что имеет и зарабатывает – не для того, чтобы уехать, но чтобы *остаться* в Англии, – и сделать все, что в его силах и сердце, чтобы она стала счастливой Англией?

24 Одна из эриний, которая родилась от капель крови, хлынувших при оскоплении Урана. По описанию Вергилия, Тисифона сидит в Царстве Аида на *железной башне* – каковой образ, вероятно, и привлек Рёскина для иллюстрации пагубности технологий (Энеида. VI: 555).

Я небогат (по нынешним меркам), и бо́льшая часть того, что у меня есть, уже отдана на содержание ремесленников-художников или на иные дела, более или менее общественной пользы. Десятую часть всего, что у меня остается, насколько могу точно рассчитать (вы увидите отчеты), я передам вам в вечное пользование с лучшими гарантиями, какие может дать английское право, в день Рождества этого года, с обязательством добавлять десятую часть от всего, что заработаю после. Кто еще поможет, мало или много?

Основатель вашей религии велел вам любить ближнего, как самих себя. А вы построили целую науку политической экономии на утверждении, будто основным инстинктом человека является стремление обмануть ближнего.

Цель такого фонда – начать и постепенно – не важно, как медленно, – расширять выкуп и закрепление земли в Англии, которая не будет застроена, а будет возделываться англичанами собственными руками и с той помощью, какую можно найти в ветре и волне.

Мне все равно, сколькими или сколь немногими это начнется и в каком ничтожном масштабе – пусть даже в огородах двух или трех бедняков. Столько по крайней мере я могу купить сам и подарить им. Если не придет никакой помощи, я сделал и сказал все что мог – и на том конец. Если помощь придет, она будет на следующих условиях²⁵.

Мы постараемся взять небольшой участок английской земли – прекрасной, мирной и плодородной. Там не будет паровых машин и железных дорог; не будет брошенных и забытых существ; не будет страдающих – кроме больных; не будет праздных – кроме мертвых. Там не будет свободы; но – немедленное повиновение известному закону и назначенным людям. Не будет равенства; но – признание всякого превосходства, какое мы сможем найти, и осуждение всякой недостойности.

Если нам нужно будет куда-то отправиться, мы пойдем спокойно и безопасно, а не на сорока милях в час с риском для жизни. Если нужно будет что-то куда-то перевезти, повезем это на спинах животных или собственных, или в повозках, или на лодках. В наших садах будет много цветов и овощей, на полях – много хлеба и травы, и мало кирпичей. У нас будут музы-

²⁵ Здесь и далее ср. с тезисами Уильяма Морриса в конце лекции «Как мы будем жить – тогда?», явно вдохновленными этим письмом.

ка и поэзия; дети научатся плясать под нее и петь ее – а может, и кое-кто из стариков со временем тоже.

У нас будет и немного искусства; мы хотя бы попробуем, сможем ли, как греки, делать горшки. Греки рисовали на своих горшках богов; мы, вероятно, не сможем так, но, может быть, изобразим на них насекомых и пресмыкающихся – бабочек и лягушек, если нечто лучшее не удастся. Один отличный старый гончар во Франции изображал на своих блюдах лягушек и гадюк – к восторгу публики; уж мы-то сообразим по крайней мере что-нибудь поприятнее.

Постепенно, возможно, у нас дадут ростки и более высокое искусство, и воображение; и робкие лучи науки забрезжат для нас. [У нас будет] Ботаника – слишком скучная, чтобы отрицать существование цветов; и История – слишком простая, чтобы ставить под сомнение рождение людей; а быть может, даже нерасчетливая и бескорыстная мудрость, как у грубых волхвов, приносящих к такому рождению дары – золото и ладан.

Искренне ваш,
Джон Рёскин
1 мая 1871 года

*Перевод с английского, предисловие, комментарии
Андрея Гелианова*

ДЖОН РЁСКИН
ЦВЕТУЩИЙ БЕЛЫЙ
БОЯРЫШНИК